

Утверждение бессмысленно,
Палец безмолвен.

Рональд Д. Лэйнг
Узелки

Сдается мне, я представляю
собой нечто вроде шахматной
фигуры, о которой противник
говорит: заперта!

Серен Кьеркегор
Или — или

Улица была пустынна. Моросил дождь, как часто бывает в наших краях, и сумерки переходили в темноту — не лучшие условия видимости. Возможно, именно поэтому я и заметила его уже слишком поздно, а может, просто потому, что задумалась. Меня часто одолевают мысли. Но обычно они ни к чему не приводят.

Я ехала домой. Сделала в городе покупки и встретила с Ренатой, которая приехала в Л. на один вечер. Мы пропустили по бокальчику, всего по одному — максимум по два. Я же знала, что мне еще садиться за руль; к тому же Эрнст почувствует запах алкоголя. Во всяком случае, иногда такое с ним случается, если у него подходящее настроение, по какой-нибудь причине, совсем не связанной со мной. Тогда он выходит мне навстречу из дома — якобы помочь с пакетами или под другим предлогом. Касается при поцелуе моей щеки, глубоко вдыхая при этом воздух.

Он не знает, что я давно обо всем догадалась, думает, что проводит разведку тактично, и считает это своей огромной заслугой. Упрекает меня он не сразу. Ждет своего часа, который длится иногда лишь минуту — пока я не успеваю сбежать, подыскав какой-нибудь предлог. Или без предлога, если мы вдвоем.

Так что выпила я немного. Один-два шерри. Любителям вина в кондитерской Хирмера подают только мозельское, оно осталось в меню исключительно потому, что девяносто лет назад, когда открылось заведение, мозельское обожал Хирмер-старший — вполне типично для того времени. Сегодня же это крепкое вино кажется чересчур сладким — хотя слово «сладкое» тут не совсем уместно и слишком физиологично, напиток просто чрезмерно тяжелый и подходит только к желе. А желе у Хирмера тоже больше не предлагают. Мы с Ренатой пьем там шерри. Это то, что нужно, и стоит дешевле кампари и других приличных напитков. Водку нам брать не стоит — в конце концов, мы в Л., и я здесь, видимо, останусь. Тут дамам принято заказывать шерри, если они хотят пощебетать в общественном месте, тесной компанией и без особого повода.

Мы с Ренатой познакомились в приемной у доктора Лемкуля. У этого дедули-доктора была большая усадьба в пригороде, его отца назна-

чили после войны первым временным бургомистром, а сам он стал очень авторитетным неврологом. Я оказалась у него, потому что у меня начали сдавать нервы — вернее, потому что Ирми и Эрнст это заметили. Я ехала за хлебом и стиральным порошком, а возвращалась с сигаретами, хотя Эрнст не курит уже лет десять. Забывала о днях рождения собственных крестников и выпалывала в саду собственноручно посаженную календулу, потому что принимала ее стебли за сорняки. Со мной дважды случался худший кошмар любой хозяйки: я забывала выключить конфорку под кастрюлей. Сейчас уже появились электроплиты, которые выключаются сами, прежде чем кастрюля успеет перегреться и случается катастрофа. Но у нас старая модель, потому что Ирми легче с такой справляться. У нее-то с головой полный порядок.

Они решили — со мной что-то неладно. И были правы. То, что я плохо спала по ночам и иногда вырубалась на диване в начале вечера, ни для кого открытием не стало. Мне даже удалось убедить Эрнста, будто так было всегда. Он не знал, что я часто просыпалась около половины второго и не спала до утра, упорно наблюдая за стрелками на будильнике. Эти стрелки светятся в темноте; будильник подарила нам Ирми для свадебного путешествия. Тогда подобные вещи еще считались ультрасовременными, и их делали ка-

чественнее. Будильник точно всех нас переживет.

В общем, мои расшатанные нервы огорчили их. Оба уверяли, что беспокоятся за меня, и Ирми я даже верила. Иногда они прерывали разговор, если я заходила в гостиную, или Ирми понижала голос, беседуя с Эрнстом в своей комнате. Наконец они пришли к единодушному мнению, что я действую себе же во вред. Даниэлу они подключить не сумели, она была уже достаточно самостоятельной для своего возраста и вообще разговаривала с нами редко — разве только когда хотела выпросить разрешение переночевать у подруги.

Итак, меня записали на сеанс к доктору Лемкулю, и я пошла, не сказав ни слова. В сущности, мне было все равно. Хотя даже приятно, что кто-то обо мне позаботится. В приемной сидела женщина примерно моего возраста, экстравагантно одетая, с дорогим украшением на запястье и специфическим загаром на лице, говорящем о регулярных косметических процедурах и посещении солярия. Раньше я ее не видела, а для городишки вроде Л. это почти удивительно. Таких людей рано или поздно встречаешь в театре, за чашкой кофе у кого-нибудь в гостях или на клубном вечере Эрнста. Она листала газеты, периодически поглядывала на часы и так выразительно вздыхала, что игнорировать ее ка-

залось уже почти неприличным. Мы обменялись взглядами, и она спросила меня очень приятным низким голосом, всегда ли здесь приходится ждать так долго. Я ответила, что тоже пришла впервые, и у нас завязалась беседа. Она не знала в нашем городе никого, но не производила впечатления одинокого человека и вовсе не казалась больной, даже наоборот: очень энергичной. Когда в приемную наконец вышла помощница и извинилась за доктора — у него экстренный вызов, и сегодня он, к сожалению, больше не сможет принимать пациентов, — новая знакомая быстро собралась, повесила на руку чудесный легкий светлый летний плащ и пригласила меня на чашечку кофе. День был уже потерян, и стоило попытаться извлечь из него хоть какую-то пользу. Так мы и поступили. Когда я вернулась домой после ужина, Ирми и Эрнст уставились на меня с большим удивлением. Возможно, они заподозрили, что доктор Лемкуль начал лечение с порции чистого спирта. Только это был не доктор Лемкуль, а моя подруга Рената. И мы пили не чистый спирт, а превосходное красное вино. Как минимум, полезное для сосудов. Разумеется, последовали и другие сеансы. Доктор Лемкуль мне понравился сразу. Мускулистый мужчина, таких встречаешь на теннисном корте — от него исходила сдержанная сила, производившая на меня впечатление. Я немедленно

поведала ему про себя больше, чем когда-либо узнают Ирми и Эрнст; он слушал терпеливо, не выражая никаких эмоций, но при этом я чувствовала: меня понимают. Доктор провел со мной несколько тестов — постучал по колену, пощекотал ступни и так далее — с добросовестной неохотой, словно был убежден, как, кстати, и я сама, что в них нет никакого проку. Он расспросил меня насчет алкоголя — возможно, на этот след его навел Эрнст, — и я с давно привычным самообладанием ему наврала. Гораздо позже я рассказала все Лемкулю начистоту. Сначала его покачивание головой, растерянность и явное сочувствие мне польстили. Конечно, он заметил мое умение казаться больной или здоровой, энергичной или вялой, агрессивной или ласковой в зависимости от ситуации. И, разумеется, чувствовал, что я перед ним ничего разыгрывать не стремилась. Я не хотела потерять его интерес, а для этого нужна была откровенность — до определенной степени.

А еще он прописал мне таблетки. Как он якобы проговорился, только для того, чтобы я не переметнулась к его коллеге-психотерапевту — хотя я прекрасно понимала: на самом деле ему казалось, что пока это единственная возможность мне помочь. Первую дозу я приняла у него в кабинете и до сих пор помню чувство защищенности, с которым вернулась в тот вечер домой.

Я стала внимательнее, чем обычно; вытряхнула пепельницу, зашла в комнату Даниэлы пожелать спокойной ночи и положила ключ от машины ровно в то место, которое изначально назначил для него Эрнст. Это поднимало настроение; я приглядывала за собой и хвалила себя, как хвалят собаку, когда она приносит в зубах миску. Собственная невозмутимость была мне в новинку, а когда Эрнст спросил, как я себя чувствую, я ответила: как машина после техосмотра. Наконец-то посещение доктора оказало желаемый им эффект: я заработала снова. Пусть это и длилось лишь один вечер.

Поскольку рецептом я так и не воспользовалась. Решила взять себя в руки, и отчасти мне это удалось. Я хотела и дальше ходить к доктору Лемкулю, но еще хотела справляться с рутинной без пометки о пройденном техосмотре. Ведь были же времена, когда я справлялась — отводила ребенка в садик и в школу, дважды в день готовила к определенному времени еду, делала покупки, занималась садом, устраивала детские дни рождения, выступала на клубных вечерах, занималась отпусками, бухгалтерией и финансами, посещала парикмахера и собачью школу, готовилась к Пасхе и Рождеству и так далее, — справлялась со всеми хлопотами, словно они не стоили долгих обсуждений. Хотя на самом деле это было вовсе не так.

Даже не знаю, когда я все утратила. Уверенность, силу, упорную сосредоточенность на том, что люди называют рутиной. Я еще помню, как мы с Эрнстом сидели на диване, а Ирми в большом кресле с новой обивкой. Мы ели крекеры и соленые орешки, пили пиво или вино, а поздно вечером, бывало, и водку. Петер Франкенфельд и Дитер Томас Хек, Ганс Розенталь и Ганс Йохим Куленкампф стоят перед глазами так ясно, словно приходится мне зятьями. Проглоченные «р» Каррелла, широкая улыбка Куленкампфа. Когда мы смотрели по телевизору балет, Эрнст непременно замечал: «А могут ведь наши девчонки», а Ирми или я с ним соглашались. Мы любовались, как мускулистые бедра отработанно движутся вверх и вниз, вправо и влево, и иногда я косилась на собственные штанины — тогда еще носили габардин темных оттенков, коричневый или синий, слишком зауженные, — и думала о диете. Мы с Ирми испробовали все, в том числе ради Эрнста, который делал вид, будто борется со своим животом. Но неважно, что мы готовили по вечерам — овощи на пару, постную рыбу или даже филе с зеленым салатом, — эффект отсутствовал полностью. Эрнст объяснял это своим обменом веществ, но в глубине души мы все понимали: дело в вечернем пиве и водке, соленых орешках и чипсах, шоколадках «Мерси» и двойных бутербродах. Ирми тоже не хотела ничего

менять. Так уютнее, детки, повторяла она, наливала очередной бокальчик вина, снова подсыпала в миску кукурузные палочки и смотрела на нас с крайне довольным видом. Живот Эрнста ее не смущал — он ведь зрелый мужчина! — а мой объем талии она списывала на беременность. Даниэла была таким тяжелым ребенком, постоянно твердила она. Хотя мы обе знали, что это ложь: Даниэла была воздушным существом, легким, как бабочка, со светлым рыжеватым пушком на голове и почти прозрачными глазами — скорее нежный мотылек, чем дитя.

Она была совершенно не похожа на нас. До сих пор помню, как испугалась, когда увидела ее впервые: она казалась совершенно чужой, и я, немного поколебавшись, все-таки спросила медсестру, не могли ли перепутать детей. Та взглянула на меня с неприязненным недоумением и уже собралась исполнить гимн материнской любви, но в комнату успела зайти старшая медсестра. «Как вы могли такое подумать, госпожа Сарторис, — возмущенно заявила она и бодро сообщила: — Вы единственная родили сегодня утром, а кроме того, детям на ноги вешают бирки, вы же видите, там все написано: время рождения и вес, рост и температура, и лечащий врач — перепутать невозможно. Только полюбуйте на свою малышку, я уже давно не видела таких прекрасных...» И так далее. Я была слишком измотана,